

С тех пор как Сяо Ци сбежал в горы, местонахождение его главного лагеря оставалось загадкой для всех, кроме Сяо Цзиня.

Сяо Цзинь знал, что пока не может действовать безрассудно; он еще не полностью контролировал Военное министерство. Прошлая жизнь научила его, что Сяо Ци был хитрой гадюкой: если не уничтожить его одним ударом, он просто уползет еще глубже в тень, сделав ситуацию еще более опасной. Поэтому до восшествия на престол Сяо Цзинь намеревался сохранить лагерь мятежников в качестве фигуры на своей шахматной доске. Все жертвы были необходимы.

Он не знал точно, когда именно помутился его рассудок. Возможно, это случилось, когда он увидел Шэнь Юйхэна, прижатого к земле этими грязными отбросами, или в тот момент, когда Шэнь Юйхэн ускакал прочь, спасаясь от него. Сама мысль о том, что эти ублюдки едва не надругались над мужчиной, ощущалась как ядовитая кровь, проникающая в его костный мозг и доводящая до грани безумия. Даже убить их всех было недостаточно.

В их прерывистом дыхании тяжело повис металлический запах крови. Шэнь Юйхэн чувствовал себя так, словно тонул; у него был нулевой опыт в поцелуях, и он совершенно забыл, что можно дышать через нос. Это был не столько поцелуй, сколько одностороннее вторжение — юноша прижал его к себе, безжалостно похищая его кислород. Он впивался в язык Юйхэна с неуклюжим, диким голодом, который длился целую вечность.

Лишь когда лицо Юйхэна побагровело и он начал слабо колотить юношу в грудь, Сяо Цзинь наконец отстранился. Юйхэн судорожно глотнул холодный воздух, но секунду спустя почувствовал резкую боль в шее.

— Сяо Цзинь! — вскрикнул он.

Паника в его голосе не заставила юношу остановиться. Словно изголодавшийся волк, вгрызающийся в добычу, Сяо Цзинь пронзил нежную кожу своими острыми клыками. Тонкая багровая линия скользнула вниз по изгибу горла Юйхэна. Пока Сяо Цзинь оставлял дорожку укусов и следов на груди мужчины, пустота в его глазах наконец начала рассеиваться. Странная, грызущая боль, которая мучила его, наконец нашла малейший выход.

На какое-то мимолетное мгновение даже лицо Шэнь Юйхэна перестало казаться ему таким уж ненавистным.

Как только хватка юноши ослабла, Юйхэн поспешно отполз назад, судорожно сжимая свою изорванную одежду и стирая кровь с губ. Это простое движение — попытка стереть их контакт — поразило Сяо Цзиня, словно физический удар.

Он целовал Юйхэна бесчисленное количество раз во сне; он прикасался к нему в темноте, ища тепла в бессознательной покорности мужчины. Он начал верить, что эти запретные действия несут в себе некую «температуру». Но, увидев, как Юйхэн инстинктивно, в полном сознании стирает его следы, Сяо Цзинь содрогнулся от внезапного осознания собственной ночной низости.

Он никогда меня не принимал. Как он смеет отвергать меня? Как он смеет?

Сяо Цзинь схватил Юйхэна за руку и выволок его из этой адской комнаты. Его солдаты-смертники, которые только что закончили наносить на карту пути отступления мятежников, наблюдали, как их господин тащит наружу хромающего, оборванного Шэнь Юйхэна. Вероятно, он вывихнул лодыжку во время борьбы, но Сяо Цзинь ни на секунду не сбавил шаг. Солдаты не

были удивлены — их господин никого не жалел, а уж тем более «мать-супругу» своего отца.

И всё же они смотрели, как Сяо Цзинь затащил мужчину на своего собственного коня и укутал его в свой тяжелый плащ. Когда юноша потянулся за поводьями, со стороны казалось, будто он сжимает мужчину в объятиях.

Вскоре после этого прибыло подкрепление Шэнь Юня. Провести армию через горы ночью было тяжелым испытанием, и то, что Сяо Цзинь уже спас Юйхэна, принесло ему одновременно облегчение и неподдельный шок. Сяо Цзинь оказался куда способнее, чем он предполагал; в свои восемнадцать лет его военная интуиция была на уровне генерала-ветерана.

Но у Юня не было времени для профессионального восхищения. Когда Сяо Цзинь приблизился, Юнь нахмурился, готовясь к гневу Принца. Однако юноша лишь посмотрел на него сверху вниз леденящим, надменным взглядом.

— Генерал Шэнь, охота окончена. Возвращайтесь на фронт.

Юйхэн, запертый в руках юноши, судорожно выдохнул. Затем Сяо Цзинь склонился к его уху, его голос был настолько тихим и злобным, что казалось, он вот-вот прокусит ему кость:

— Если ты когда-нибудь снова посмеешь сбежать, я без колебаний казню всю семью Шэнь.

Юйхэн закрыл глаза, свет в них померк.

— Следующего раза не будет.

Он знал, что Сяо Цзинь не бросает слов на ветер. Другого шанса у него не будет; такой патологически подозрительный человек, как Сяо Цзинь, вероятно, больше никогда не позволит ему ступить за пределы дворца. Мысль о том, что он будет заперт в этих квадратных стенах до конца своих дней, тяжелым грузом легла на его грудь.

Остальные участники охоты уже вернулись в город. Поскольку ворота дворца на ночь запирались, им пришлось остановиться на местном постоялом дворе. Руки Юйхэна были связаны за спиной, и его бросили в темную комнату, больше похожую на тюремную камеру, чем на гостиничный номер.

Тем не менее, он ценил новизну пребывания на постоялом дворе. Он соскочил с кровати и выглянул в маленькое круглое окно. В Великой Чжоу не было комендантского часа; оживленные улицы были наполнены звоном посуды и смехом людей.

— Система, — прошептал он, — если я действительно завершу миссию, как думаешь, ты сможешь перенести сюда мое настоящее тело? Позволь мне хотя бы путешествовать и посмотреть мир в качестве компенсации за все это.

Система была тронута: [Я сделаю все возможное, Хозяин! Я выбью для вас эту возможность!] Она видела лишь половину того, что произошло, из-за фильтров конфиденциальности, но понимала, что Юйхэн оказался в тяжелом положении.

Внезапно Система была принудительно отключена.

— А? — пробормотал Юйхэн. — Куда ты пропала?

— Кого ты ищешь?

Юйхэн чуть из кожи вон не выпрыгнул. Он резко обернулся и увидел Сяо Цзиня, стоящего позади него; сердце бешено колотилось о ребра. Воспоминания о недавней кровожадности юноши были еще свежи. Юйхэн заявил, что просто разговаривал сам с собой, но Сяо Цзинь явно ему не поверил. Он заставил своих солдат-смертников несколько раз обыскать комнату и крышу. Он никогда не будет настолько глуп, чтобы снова доверять.

Поняв, что разговор невозможен, Юйхэн вздохнул.

— ...Могу я хотя бы получить какую-нибудь одежду?

Он все еще был в своих изодранных лохмотьях, и если бы не плащ Сяо Цзиня, он был бы практически голым. Сяо Цзинь не принес одежду. Вместо этого он устался на небольшой обнаженный участок плеча Юйхэна, покрытый синяками, оставленными мятежниками.

Костяшки пальцев Сяо Цзиня побелели, а руки задрожали.

Юйхэн попытался плотнее запахнуть плащ, чтобы защититься от сквозняка, но в следующую секунду рука Сяо Цзиня потянулась к нему. Он грубо сорвал плащ и прижал Юйхэна к полу. Единственная вещь, которая его прикрывала, с мягким стуком упала на пол.

Лицо Юйхэна побледнело, затем покраснело. Он попытался оттолкнуть юношу, но его руки были связаны за спиной. Пальцы Сяо Цзиня коснулись его кожи, и казалось, будто все тепло этого мира сконцентрировалось в одной этой точке.

Тело Юйхэна напряглось. Это было не смятение от поцелуя; это была инстинктивная, резкая дрожь. Травма этого дня и его глубоко укоренившийся страх слились в ледяную реку, заставляя его бесконтрольно дрожать. Он не знал, собирается ли Сяо Цзинь «обесчестить» его так же, как те мужчины.

Сяо Цзинь опустил голову, его черные волосы отбрасывали тень на лицо. Он удерживал сопротивляющегося мужчину, и только после того, как убедился, что «интимные места» Юйхэна не пострадали, его дыхание наконец выровнялось, словно с сердца упал огромный камень.

Юйхэн, сгорая от стыда, зарылся лицом в матрас, не в силах встретиться взглядом с юношей. Затем рука Сяо Цзиня заставила его поднять лицо, принуждая смотреть на него. Эти темные, безмолвные глаза смотрели прямо в его, заставляя сердце Юйхэна пропустить удар.

Губы Сяо Цзиня замерли рядом с его губами. Их дыхание смешалось. Расстояние между ними исчезло.

Губы Шэнь Юйхэна задрожали, и он наконец выпалил вопрос:

— Сяо Цзинь... я тебе нравлюсь?

В то же мгновение зрачки Сяо Цзиня сузились. Мир, казалось, замер. Атмосфера между ними стала острой, как лезвие бритвы. После нескольких секунд мучительной тишины Сяо Цзинь внезапно оттолкнул его, а на его лице появилось выражение чистого, насмешливого неверия.

— Чтобы мне? Нравилась мать-супруга?

Его голос был подобен бритве, разрезающей воздух. Он грубо прижал ноги Юйхэна, с удовлетворением наблюдая, как лицо мужчины бледнеет под его прикосновением.

Укол боли и сбивающие с толку, нежеланные порывы «Гу Замка Любви» вспыхнули одновременно. Юйхэн выгнулся, его глаза потеряли ясность. Сяо Цзинь смотрел, как мужчина поддается этим ощущениям, его собственные глаза оставались холодными — он использовал эту жестокость, чтобы вырвать крупицу «слабости» из собственного сердца.

Он посмотрел на выгнутую, напряженную талию Юйхэна и издал насмешливый смешок.

— Разве тот, кому ты нравишься, стал бы делать такое?

Он и сам не был уверен, насмехался ли он над Шэнь Юйхэном или над самим собой.

<http://bllate.org/book/17965/1734739>